

Пелам Гренвилл Вудхаус

б и б л и о т е к а

к л а с с и к и

Пелам Гренвилл Вудхаус

P. G. Woodhouse

В каждой избушке – свои погремушки
Женщины, жемчуг и Монти Бодкин
Девушка с корабля
Раз – и готово!

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-3
ББК 84(4Вел)-44
В88

Серия «Библиотека классики»

Pelham Grenville Wodehouse
ICE IN THE BEDROOM
PEARLS, GIRLS AND MONTY BODKIN
THE GIRL ON THE BOAT
QUICK SERVICE

Перевод с английского

Серийное оформление и дизайн обложки *В. Воронина*

Печатается с разрешения The Trustees of the P.G. Wodehouse Estate
и литературных агентств Rogers, Coleridge & White Ltd.

Вудхаус, Пелам Гренвилл.

В88 В каждой избушке — свои погремушки. Женщины, жемчуг и Монти Бодкин. Девушка с корабля. Раз — и готово! : [сборник; перевод с английского] / Пелам Гренвилл Вудхаус. — Москва: Издательство АСТ, 2026. — 704 с. — (Библиотека классики).

ISBN 978-5-17-183941-3

Что получится, если смешать бриллианты в чужой спальне, подмененные жемчужные ожерелья, любовные недоразумения на лайнере и авантюру с кражей собственного портрета? Фирменный вудхаусовский коктейль из абсурдных ситуаций, эксцентричных героев и комических путаниц, приправленный классическим британским юмором!

Фредди Виджен, скромный клерк, грезит о кофейной плантации в Кении — и неожиданно оказывается в гуще криминальных событий. Монти Бодкин решает устроиться секретарем к киномагнату, чтобы заслужить руку любимой, и тут же погружается в вихрь интриг вокруг роскошного жемчуга. Сэм Марлоу влюбляется на борту парохода и вынужден распутывать клубок нелепых ситуаций, доказывая серьезность своих чувств. А художник Джос Уэзерби из-за пустяка — невкусной ветчины за завтраком — ввязывается в рискованную затею: ему приходится притвориться слугой и похитить картину, которую он сам и написал.

УДК 821.111-3
ББК 84(4Вел)-44

© The Trustees of the Wodehouse Estate, 1922, 1940, 1961, 1972
© Перевод. В. Вольфсон, 2025
© Перевод. С. Кузнецов, 2026
© Перевод. Н. Трауберг, наследники, 2026
© Издание на русском языке AST Publishers, 2026

В каждой избушке —
свои погремушки

Во время утреннего кормления кроликов в саду собственной резиденции под названием «Бухта», — а с этого гуманного действия начинался каждый его день, — мистеру Корнелиусу, агенту по недвижимости Вэлли Филдс, стало казаться, что он как будто бы не один. Явилось чувство, будто рядом с ним кто-то находится. Чувство это было верное. Через ограду, отделявшую владение от соседнего, которое именовалось «Мирная гавань», перевесилась молодцеватая фигура.

— Ах, мистер Виджен, — сказал он, — приветствую вас!

В погожий июньский денек такое местечко, как Вэлли Филдс, этот прелестнейший пригород Лондона, с его ухоженными палисадниками и утопающими в тени аллеями, неизменно представляет собой чарующее зрелище. Каждый из указанных его обитателей вносил свою лепту в великолепие общей картины. У мистера Корнелиуса имелась длинная белая борода, придававшая ему благородное сходство с высокопоставленным друидом, а про юношу, которого он назвал Видженом, уместно было бы сказать, что он сошел прямиком с рекламных колонок самых дорогостоящих изданий в самых лоснящихся обложках. Поистине, Адонис — породистый, утоляющий любопытство взыскательной публики в одеяниях летнего покроя! Ботинки — именно эти, и никакие другие. Носки — как раз такие, как надо. Рубашка и галстук по образцу клуба «Трутни» — самый смак. Умственные способности Фредди Виджена время от времени подвергались критике, глав-

ным образом со стороны его дяди, лорда Блистера, но также и со стороны мистера Шусмита, в конторе которого он трудился, однако никто на свете, не исключая даже ветерана «Трутней» Пуфика Проссера, — а уж у этого-то Фредди вызывал порой нешуточное раздражение, — не осмелился бы придрататься к его внешним характеристикам.

— Чудная погода, — сказал мистер Корнелиус.

— Как из маминой духовки, — согласился Фредди, который сам в это утро светился, словно летнее солнышко. — Выкурите сигаретку?

— Нет, благодарю вас. Я не курю.

— Что, и не начинали никогда?

— Я отказался от курения много лет назад. Доктора говорят, что оно серьезно вредит здоровью.

— Чудаки эти доктора. Не понимают, что хорошо, а что плохо для человека. Так что же вы поделяваете здесь долгими вечерами?

— Работаю над историей Вэлли Филдс.

— Вы пишете историю Вэлли Филдс?!

— Я занимаюсь этим уже значительный промежуток времени. Это труд для души.

— Вам нравится Вэлли Филдс?!

— Я люблю это место, мистер Виджен. Здесь я родился, здесь пошел в школу, здесь прожил всю свою жизнь, и здесь кончу счет своим дням. У меня имеется скромный недостаток...

— А у меня — сплошной недостаток.

— ...который вполне меня устраивает. У меня есть дом, сад, жена, цветы, кролики... Ни о чем большем я не прошу.

Фредди занервничал. Его воззрения на пригородную жизнь безнадежно расходились с вышесказанными, и воодушевление собеседника его несколько покорило.

— Вам-то, небось, это в самый раз, — сказал он. — Вы отлично устроились. Работаете себе и не знаете никаких забот. А я связан по рукам и ногам своим жалованьем в адвокатской фирме. Мотаюсь целый день туда-сю-

да, — чем я отличаюсь от мальчика на побегушках, одному Богу известно. Видели вы когда-нибудь орла, посаженного в клетку?

Может, это и покажется странным, но мистер Корнелиус такого орла до сих пор ни разу не видел. Это был не очень искушенный в жизни человек.

— Так вот же он, перед вами, — произнес Фредди, постукивая себя по груди. После этого лицо его омрачилось. К нему вернулись мысли о подлом поведении его дяди, лорда Блистера, который, прикрываясь неблагоприятным предлогом — молодому человеку, видите ли, надо самому зарабатывать себе на хлеб и выбиваться в люди! — лишил его содержания и запихнул в этот паршивый юридический зверинец, которым верховодил мистер Шусмит. Он постарался вытряхнуть из головы отталкивающие воспоминания и затронуть более приятные темы.

— Стало быть, потчуете своих бессловесных дружков?

— Каждый день, в это самое время.

— Что сегодня в меню?

— Ребятишки кушают салатик.

— Молодцы, правильно делают. Салат-латук богат витаминами и делает гуще шерстку в области груди. — Некоторое время он молча изучал поведение сотрапезников. — А вы обращали внимание, что у кролика нос все время как бы подергивается? Я знаю одну девушку, которая, когда волнуется, тоже начинает подрагивать кончиком носа.

— Она живет в Вэлли Филдс? — спросил мистер Корнелиус, пытаясь припомнить тех обитателей предместья, которые обнаружили склонность к подергиванию кончиком носа.

— Нет, сейчас она живет в Сассексе, в одном местечке под названием Луз Чиппингс.

— Ах! — произнес мистер Корнелиус, чувствуя прилив того мягкого сострадания, которое всегда посещало его при упоминании о людях, в Вэлли Филдс не живущих.

— У нее там работа. Она — секретарша одной женщины по фамилии Йорк.

Мистер Корнелиус вздрогнул, словно носик кролика, нацелившегося на салатный лист.

— Случайно, не писательница Лейла Йорк?

— Она самая. Отведали ее заварного крема?

Лицо агента по недвижимости озарилось обожанием. Благоговейно всколыхнулась борода.

— Это мой любимый автор. Я читаю и перечитываю каждую ее строчку.

— Вот и перечитывайте на здоровье. Мне однажды довелось взять в руки один из ее шедевров, меня ввел в заблуждение заголовок. Я предположил, что от этого чтения кровь будет стынуть в жилах, но на середине третьей главы пришлось за неравенством сил прекратить борьбу. Самая несусветная чушь в худшем смысле слова.

— О, мистер Виджен, умоляю вас!

— Разве вы не разделяете эту точку зрения?

— Ни в коем случае. Мне представляется, что Лейла Йорк проникает в сокровенные глубины человеческой натуры и, словно бы при помощи скальпеля, обнажает сердце женщины.

— Какой кошмар! «Коллега, хочу с вами поболтать об одной своей операции», — так примерно это звучит. Ладно уж, дело ваше. Если ее книги помогают вам разбередить себе душу, не думайте ни о чем, и Бог в помощь! О чем мы с вами говорили, пока не сбились на ее творчество? А, об орле за решеткой. Да, Корнелиус, я как раз такой орел, и это мне не нравится. Я не приемлю эту роль. Я хочу найти способ от нее отделаться. Рассказать вам о том, как орел за решеткой в один прекрасный день обретает свободу?

— Расскажите, мистер Виджен.

— Он добывает деньги, вот что он делает, и то же самое собираюсь сделать я. Как можно быстрее и желательнее побольше, чтобы прохожие на улицах незаметно подталкивали друг друга и перешептывались: «Заметили этого субъекта в меховом пальто? Виджен, миллионер».

Хочу и зимой и летом ходить под слоем банкнот: в холодное время года носишь десятифунтовые, а как станет потеплее — заменяешь пятерками.

Очень нелегко определить, надул ли губы такой густобородый собеседник, как мистер Корнелиус, и, однако, нельзя было не заметить, что под сенью заповедных деревьев, с помощью которых он укрылся от мира сего, происходит какое-то волнение. Становилось ясно, что подобные устремления он считает низменными и отталкивающими. И когда он заговорил, в звучании его голоса слышалось невысказанное «фу!».

— Разве в деньгах счастье, мистер Виджен?

— Ну, знаете...

— У богатых людей — свои проблемы.

— Назовите хотя бы штучки три.

— Могу вам рассказать о своем брате. Его зовут Чарлз.

— И он богат?

— Необычайно. В свое время, очень давно, ему пришлось уехать из Англии. Так уж сложились обстоятельства. Он поселился в Америке, и дела его пошли хорошо. В последнем письме, которое я от него получил, говорилось о том, что у него имеется квартира на Парк-авеню, — насколько я могу судить, это весьма респектабельный район Нью-Йорка, — и дом на острове Лонг-Айленд, и еще один во Флориде, собственный аэроплан, яхта. Мне всегда было жаль Чарлза.

— Ну, почему же?

— Потому, что живет он не в Вэлли Филдс, — ответил мистер Корнелиус и некоторое время поразмышлял о тяжком жребии, выпавшем брату. — Нет, — продолжал он, — не стоит завидовать богачам. Жизнь для них превращается в сплошную нервотрепку. Вот возьмите вашего друга, мистера Проссера. Вы рассказывали мне о нем в прошлую нашу встречу.

Фредди был поражен.

— Вы про кого, про Пуфика? Из-за чего же ему рвать на себе волосы? Если не считать того, что женат он на дочери Шусмита и вынужден звать Шусмита папой.

В этот момент мистеру Корнелиусу подумалось, что у его юного друга плохо с памятью. Не далее как позавчера они обсуждали трагедию, что обрушилась на семейство Проссеров.

— Вы рассказали мне, что у миссис Проссер похищены драгоценности, которые оцениваются в тысячи фунтов стерлингов.

У Фредди отлегло от сердца.

— А, вот вы о чем! Да, кто-то свистнул у нее погрешки. Подозревают вроде бы горничную, — во всяком случае, когда они забили тревогу и подняли на уши полицию, выяснилось, что та исчезла, не попрощавшись. Пусть Бог подольше сохранит ваше старенькое доброе сердце, Корнелиус! У Пуфика забот не прибавилось. С того времени прошло около месяца, и вот когда я видел его в последний раз, он уже ходил себе гоголем — получил деньги по страховке.

— Тем не менее подобного рода происшествия весьма болезненны, и случаются они только с богатыми людьми.

Никогда и ни в чем не бывал Фредди так твердо уверен, как в том, что агент по недвижимости в данный момент несет околесицу. Он не сказал об этом вслух, сжавшись над его сединой, но тон взял самый решительный.

— Послушайте, кормилец кроликов! — сказал он. — Мне ясен ход ваших мыслей, и рассуждение ваше, можно сказать, похвально, но только я стоял и стою на том, что самое главное в этой жизни — иметь деньги, и по этой самой причине за последние дни, если вы заметили, немало приободрился. Удача вновь на стороне Видженов, и я уже втягиваю в себя ароматы грядущего изобилия.

— Как, в самом деле?

— Да, уверяю вас. В первый раз за многие годы Фредерик Фозерингей Виджен наконец-то восседает на вершине мира, перекинув радугу через плечо*. Можно

* ...*восседает на вершине мира, перекинув радугу через плечо* — неточная отсылка к новозаветному тексту (Откр., 4:3). (Здесь и далее примеч. пер.)

вкратце выразить эту мысль так: Моав — моя умывальная чаша*, и на что-то там такое простру я свой сапог. Так, по-моему, у автора, хотя объяснять вам, при чем здесь сапоги, я бы не взялся. Вам известен один славный малый по имени Томас Дж. Моллой? Человек из Америки. Живет в «Приусадебном мирке», по другую сторону от меня.

— Да, я знаком с мистером Моллоем. Я как раз вчера с ним виделся, он приходил в мой офис, чтобы дать мне ключи.

Эти слова показались Фредди нелепыми.

— Зачем ему понадобилось давать вам ключи? У вас что, был день рождения?

— Это ключи от дома. Он решил уехать.

— Что-о?!

— Да, «Приусадебный мирок» вновь ожидает жильцов. Но вряд ли ожидание будет долгим! — произнес мистер Корнелиус и, повинувшись силе привычки, продолжил: — Это недвижимость из разряда самых престижных, со вкусом обставленная, окруженная парковой зоной площадью в четверть акра. Такие первоклассные объекты пользуются неизменно высоким спросом.

Фредди по-прежнему было не по себе. Можно даже сказать, что ему было немножечко грустно — он имел основания думать, что с исчезновением соседа он потерял друга. Такие незаурядные личности, как Томас Дж. Моллой, неизменно вызывали в нем живейший интерес.

— Разве Моллой — не собственник этого мирка?

— О нет! Он снимал его по договору. Краткосрочная аренда. Эти три дома — «Приусадебный мирок», «Мирная гавань» и «Бухта» — принадлежат мистеру Кегтсу, который много лет жил в «Приусадебном мирке». Дом сдали мистеру Моллою, когда мистер Кегтс решил отправиться в кругосветное путешествие. Я, правда, не могу представить себе, как человек, живущий в Вэлли Филдс,

* Моав — моя умывальная чаша. См. Пс. 107:10.

способен расстаться с ним и шататься Бог знает где. Так вы говорили о мистере Моллоу. В связи с чем вы упомянули его?

— В связи с тем, Корнелиус, что именно благодаря этому человеку у меня сегодня цветущий вид. Всеми виной этот филантроп во-от с таким сердцем. Совсем скоро у меня будет возможность стряхнуть с себя оковы «Шусмита, Шусмита, Шусмита и Шусмита». Я-то думал, что по гроб жизни осужден торчать в его змеюшнике, и меня при этой мысли знобило. И вот тут появился Моллой. Но я чуть забегаю вперед. Итак, открываем первую главу. В ней я получаю письмо от Боддингтона, есть у меня в Кении такой друг, — пояснил Фредди. — Разводит там у себя на ранчо кофе, или что-то в этом духе. Он присылает мне письмо, где спрашивает, не хотел бы я иметь в этом деле небольшую долю. Предлагает мне приехать и работать одной шайкой. Понятно, я всей душой «за», это как раз мой профиль. Вы знакомы с выражением «огромные открытые пространства»?

Оказалось, что мистер Корнелиус знаком с этим выражением. Герои Лейлы Йорк, сказал он, зачастую отправлялись в странствия по огромным открытым пространствам, когда между ними и их возлюбленными по недоразумению случались размолвки.

— Вот куда я рвался всю жизнь. Где-где, а уж в Кении пространства со времен сотворения мира открытые. Я, правда, смутно представляю себе, как выращивают кофе, но такие вещи быстро схватываешь. Я убежден, что, когда возьму в руки лопату и лейку с водой и буду знать, с какой стороны подойти к этим кустам, я в кратчайшие сроки смогу электрифицировать всю отрасль и раскрутиться так, что все черти взвоют. Кения — харе мумбуру! Вот наш лозунг. Вот где начнется богатая и полнокровная жизнь.

— До Кении отсюда неблизко.

— Один из секретов ее очарования.

— Мне бы в голову не пришло уезжать так далеко из Вэлли Филдс.

— Чем дальше, тем и лучше, я так считаю. Уехать из Вэлли Филдс — еще не конец света.

От этих слов, впрямую граничащих с богохульством, у мистера Корнелиуса скривилось лицо. Он даже отвернулся и достаточно выразительным жестом подбросил порцию латука третьему справа кролику.

— Значит, вы решили принять предложение вашего друга? — спросил он, когда начал обретать душевное равновесие.

— Если он хотя бы ненадолго оставит его в силе. Пока все срастается один к одному. Знаете, как только в жизни начинается хорошая полоса, важно не пропустить улов. От меня требуется вложить три тысячи, — что-то вроде вступительного взноса. Когда я прочитал этот отрывок из послания Боддингтона, так сразу же, не побоюсь вам сказать, почувствовал слабость и, наверное, упал бы, не будь подо мной в этот момент надежного стула. Стоит ли говорить вам, Корнелиус, что за три тысячи фунтов многие мать родную готовы заложить.

— Надо понимать, что ваши сбережения не удовлетворяли поставленному условию?

— Даже отдаленно. Глухо, как в подземных трубах. Все, что я имел за душой, это трихомонозная тыщонка, которую мне оставила крестная.

— Неудачное стечение обстоятельств.

— Еще бы. С просьбой о выдаче необходимой мне суммы в качестве срочной ссуды я решил обратиться к своему дядюшке, и услышал в ответ следующее: «Как-как-как? Абсурд. Нелепость. Даже думать об этом позабудь», — что, как вы уже догадываетесь, не оставляло ни малейшей лазейки к мирному окончанию диалога. Пунктик также отказался взять на себя роль моего банкира, как, впрочем, поступил и сам банкир, и я уже готов был плюнуть и утереться, когда вдруг ангелы затрубили в фанфары, с небес на Землю спустился Моллой, и в крыльях его играли лучи солнца. Мы разговорились, я ему поведал о своих бедах, и тогда он взмахнул своей волшебной